

Данилевский Н.Я. Дарвинизм. Критическое исследование Т. I. Ч. I. СПб., 1885

Конспект*

С.В. Мейен

Начал 15.I.1973

Введение

С. 2. Само по себе превращение видов не удивительно. Крестьяне убеждены, что пшеница перерождается в рожь. Обычно биологические, геологические и другие факты не привлекают такого внимания, как дарвинизм. В чем дело? Мы обычно не говорим *коперникизм*, *галилеизм* и т.д. Но в философии именно так (спинозизм). По общему характеру учения дарвинизм изымается из области положительного знания и относится к области философии.

Мы считаем, что мир разумен, иначе не было бы смысла его изучать. Но тогда разумна и причина. Деизм – целесообразность замысла его устройства. Пантеизм – внутренняя закономерность его. Объективный идеализм – разумность в созерцающем «я». Это все идеализм.

Другое мировоззрение отрицает существование духа. Мир и разум – продукт простейших данных, материи, движения, действующих механически. Это механическое объяснение приложимо ко многим случаям, но далеко не всем.

Дарвин дал механическому материализму совсем другую точку опоры. Механическую необходимость заменил Принципом абсолютной случайности. У Бэра и других была строгая закономерность. Теперь онтогенез оказывается параллельным филогенезу, а этот – от накопления случайных изменений.

С. 7. «...Дарвиново учение есть не только и не столько учение зоологическое и ботаническое,

сколько вместе с тем, и еще в гораздо большей степени, учение философское». До этого материалисты вынуждены были отворачивать глаза от органического мира, только обещали разобратся в нем с ходом прогресса науки. Дарвинизм дал эту возможность. Идеализм потерял фактическую почву, лишился главной – фактической, положительнонаучной точки опоры. Опорой ему остался только духовный мир. Но и здесь человек оказывается отличающимся от животных количественно, а не качественно. Для Творца не осталось места, без него можно вполне обойтись. Отпадает надобность в этой гипотезе (как в истории с Лапласом, с. 10). В этом смысле не имеет значение, был ли сам Дарвин деистом.

С. 13. Перед Дарвином было 2 задачи: происхождение форм и вопрос о целесообразности. Первая важна в философском смысле, главным образом в связи с происхождением человека. Главное философское значение – в целесообразности. Дарвин объясняет ее, не прибегая к посредству идеального начала.

Гонение на телеологию было от неумеренных последователей. Во всем старались увидеть намерение Создателя. Шпигель, XVII век, анатом: седалище у человека, чтобы он мог сидеть на мягкой подушке, размышляя о величии Божиим. Учения о премудрости Божьей, доказываемые от разных объектов (энтомотеология, ихтиотеология и т.д.) отличаются бездарностью и чисто человеческими представлениями (будто все делается руками). Представление, что каждая частичка с трудом выделана на человеческий манер (это не проходит даже в случае человека: машинное производство).

* Печатается по авторской машинописи, хранящейся в научном архиве С.В. Мейена. Имена иностранных ученых приведены в современной транслитерации. (Ред.)

С. 17. Отвергая цели, мы можем обращаться к случаю или абсолютной необходимости (причинной). Это Геккель.

С. 18. У Дарвина случайность – верховный принцип, целесообразность – иллюзия, это псевдотелеология.

С. 19. Если бы современная наука решила, что нам надо лишиться имущества и т.д. вплоть до жизни, разве мы не проверили бы ее заключение. Но вопрос, предлагаемый Дарвином, важнее всякого имущества. Коли разумность – частный случай нелепости, бессмысленности, случайности, которые становятся истинными господами природы, то не существует более важного вопроса.

С. 20. Пример с «математической пешкой» – в треугольнике может быть два прямых угла. Если не увидеть фортель, то шутник доказывает большее, чем хотел; не только эту теорему, но ложность всех обычных рассуждений. Поэтому необходимо изнутри показать Дарвинов фортель, а не просто излагать другую точку зрения, надо находить внутренние замазанные пустоты и, вложив в них лом, обратить стены в кучи бесвязного мусора.

С. 22. Метафизическое мышление не должно состоять в одном лишь формальном диалектическом развитии мысли, а должно основываться на данных положительного свойства, должно служить не основанием, а завершением мысленного здания.

С. 23. Далеко от мысли, чтобы учение Дарвина было лишено всякого значения и достоинства. Но сущность (объяснение происхождения форм растительного и животного царства; внутренней и внешней целесообразности) – ложна.

С. 24. Главное достоинство – обратил внимание на борьбу, на бесконечно сложные взаимоотношения организмов. Раньше преобладала систематика, затем сравнительная анатомия, эмбриология, гистология. Но надо было обратиться к живой природе, это и было сделано Дарвином. Наука об организмах стала *биологией*. Взаимодействие организмов было призвано объяснить их происхождение и гармонию, точнее целесообразность.

С. 26. Освящение теории эгоистических инстинктов – вредно, но научное основание национализму в противоположность космополитизму – полезно.

С. 26, 27. Допустимо ли безвестному человеку посягать на авторитеты! В обществе потрясена вера в авторитеты, но не во все. Дозволительно дерзко отозваться о Бэре или Либихе, но усом-

ниться в логичности Геккеля, Мошешота, Бюхнера – свидетельство тупоумия и неразвитости.

О прежней критике. Бэр, Агассис, Катрфаж – gelegentlich. Виганд – полно и обстоятельно, но не популярно, и *извне*, не проводит всех следствий. Доказательства всех были разрозненными и не были сведены во всеохватывающее целое.

Вовсе не убежден в действенности собственной критики. О «современном мировоззрении», как мода на шляпки. Не переломить. Книга – тем, кто знает с чужого голоса и не компетентен, но склонен к убеждениям разума.

Многие обращали внимание только на «Происхождение видов» и «Происхождение человека», хотя многие самые главные вещи в «Одомашнивании».

Факты черпал во многом из того же Дарвина. Дарвинизм есть учение гипотетическое, а не положительно научное.

Проблема переходов. Сама по себе она не страшна. Пример с переходом от лягушки к Аполлону. Но на пути от одноклеточных к человеку есть пропасти, из которых испарения невозможности. Важно не расстояние, а какая-нибудь невероятность в нем.

Философский характер проблемы. Обычно воображают, что Дарвин восстал против мистической теории создания и предложил механический способ, подобно Ньютону, который открыл силу тяготения и объяснил астрономический мир. Путаница в головах защитников Дарвина. Дарвин сам протестовал против неверных трактовок его теории. Например, неверно, что естественный отбор производит изменчивость. Дарвин считает необходимым прибегать не только к наследственности и приращиванию (целестремительности), но и к *nisus formativus*, то есть координирующей силе. Но это – только другими словами названная *жизненная сила*, понятие не только не только не метафизическое, но просто мистическое, родной брат археям, жизненным духам, арканам природы, *auga seminalis* и тому подобным Парацельсовским и Ван-Гельмонтовским принципам.

Виганд тоже путается. Он не считает Брауна дарвинистом, так как у Брауна естественный отбор не формотворящий принцип, а регулятор. Но и у Дарвина естественный отбор – только регулятор. Он не творит формы, а лишь устраняет возникшие уже и несоответствующие условиям формы. Дарвин это четко оговаривает, но иногда сам увлекается. Виганд неправильно понимает и дивергенцию.

Далее об уподоблении Дарвина Ньютону. Эта мысль принадлежит Геккелю. Критику Геккеля дал Н.Н. Страхов в статье «Дарвин» (кн. 2 «Борьбы с Западом в нашей литературе»). Для Геккеля питание и размножение есть чисто механические процессы.

С. 39. Приспособление и изменчивость – одно и то же. Но приспособление предполагает изменчивость, а изменчивость не предполагает приспособления. И далее другая критика Страхова (очень хороша. – С. Мейен).

Поразительное отличие шестого издания 1878 года от первого. В первом издании Дарвин был последовательным. В новом – ограничения и такие начала, которые, будучи чужды учению и развиты, уже сами подрывают это учение. Оговорка Дарвина, что естественный отбор – главное, но не единственное средство изменений. Большее значение употреблению и неупотреблению, непосредственному влиянию внешних условий, самопроизвольным изменениям, поэтому приходится опираться на последовательный,

правоверный Дарвинизм, тем более что именно ему следуют последователи, которые не желают замечать ограничений, введенных самим Дарвином. Строгое изложение дарвинизма дано Тимирязевым, 1883. Сам Дарвин не замечает силы тех уступок, которые он делает.

Логика книги. Сначала изложение теории. Потом основные принципы и факторы. Затем комбинация факторов. Это – 1 том. 2 том – специальные затруднения из области инстинкта, гибриды, палеонтологии, географического распределения, естественной классификации, морфологии, эмбриологии, рудиментарных органов. Далее (3 т.) половой подбор. Непоследовательность Валласа (Уоллеса) в вопросе о происхождении человека, пангенезис, целесообразность, Дарвинова псевдотелеология, отношение к другим теориям трансформизма. Общая морфологическая, метафизическая сторона. Метафизическая ложность Дарвинова учения. Установление того, что надо считать истинным.

Глава I. Изложение Дарвинова учения

С. 47. Возможность обманчивого впечатления от постоянства форм (аналогии с астрономией), мало знать, при каких обстоятельствах что образуется, надо еще знать, как эти условия действуют. Признать постоянство – тоже не значит объяснить. Чаще всего изменения мы видим в домашних растениях и животных, поэтому к ним обратились Ламарк и Дарвин. Удобства Англии. Не случайность того, что дарвинизм родился в Англии. Культ выведения разновидностей чуть ли не по заказу. Но на это накладывается консерватизм, сохранение традиционных для данного места норм. Поэтому «Одомашнивание» есть фундамент для «Происхождения видов». Учение Дарвина не дедуктивно, следуя английской моде, оно индуктивно. Но далее он совершал дедукции.

Изменчивость. Влияние условий непосредственное (на весь организм или его части) или опосредованное (на воспроизводительную систему). Влияние определенное и неопределенное. Последнее: одинаковый фактор действует по-разному или разные факторы действуют одинаково. Главное – природа организма. Пример с порохом и искрой. Пример с неспособностью плодиться в неволе как среди животных, так и растений. Только прямые изменения можно счи-

тать причиной, ибо причина всегда должна быть достаточной, то есть заключать в себе все то, что находится в следствии. Иначе это не причины, а поводы. Это надо различать.

С. 56. Далее разбор фактов Дарвина по изменчивости. Здесь (1) изменение условий и (2) гибридизация. Изменчивость захватывает все. У культурных животных и растений она перекрывает обычные границы видов и даже родов. Поэтому мы иногда не знаем предков (против А. Декандоля).

С. 59. **Причины изменчивости.** Дарвин их не систематизировал как следует. По «Происхождению видов» и «Одомашниванию» это будет:

- 1) непосредственное влияние внешних условий (включая механическое давление твердых частей на мягкие);
- 2) употребление–неупотребление, экономия развития;
- 3) измененные привычки, независимо от (2); акклиматизация;
- 4) начало вознаграждения (компенсация);
- 5) соответственная изменчивость (корреляция);
- 6) гибридизация; Дарвин говорит подробно, но причисляет к причинам.

Далее по перечисленным пунктам:

1 (непосредственное влияние). Примеры раковин моллюсков, шерсть и т.д., от пищи, почвы. Геккель преувеличивает этот второстепенный фактор дарвинизма. Наблюдения Уоллеса над островными животными. Форма таза и форма голы.

2 (употребление и неупотребление). Примеры. (Далее примеры по другим типам, я опускаю. — С. Мейен.) Связь глухоты кошек — цвет меха — голубые глаза — мужской пол. Поэтому в таких случаях невозможно разобраться, где причина и следствие чего. Гибридизм не случайно опущен Дарвином в теории (но не примерах), так как он не решает проблему, ведь надо еще показать происхождение предков

С. 66. Роды изменчивости. Конкретное распределение изменчивости по причинам не реализуемо. Важнее разделение по степени силы или размеров изменений. (1) Мелкие (индивидуальные) изменения, но специалисты их видят; (2) внезапные, самопроизвольные изменения, их резкость; (3) уродливости, спорты. Для Дарвина самый главный первый тип изменчивости. Другие не выживают без помощи человека.

С. 71. Наследственность. Важны только наследуемые изменения. Сомнения в наследственности — лишь у теоретиков. Важное свойство наследственности — передача признаков в скрытом состоянии. Дарвин: передача признаков по наследству и развитие их в видимые признаки, нравы, инстинкты — две разные вещи.

Различия в способности передавать свои свойства. Ограничение наследственности одним полом. Переменяющаяся передача признаков. Атавизм, в нем надо различать (1) возвращение чистых или нескрещенных индивидуумов к утраченным признакам, одичание, (2) возвращение к признакам, заимствованным при скрещивании. (4) Наследственность в соответствующие периоды жизни. Может происходить смещение проявления признака к началу онтогенеза.

С. 81. Искусственный подбор. О способах подбора. Признаки, на которые не обращают внимание, изменяются больше всего. Сознательный, или методический, подбор. Есть и бессознательный подбор. Разграничивать их нельзя. Сохраняющий и накапливающий подбор. Условия, способствующие подбору: 1) много индивидов, 2) легкость разведения, 3) быстрое чередование поколений, 4) легкость надзора за спариванием, 5) ценность свойств.

С. 90. Переход к природе. Все разнообразие культурных форм не было раньше, оно получено подбором. Так считает Дарвин. Раньше видели в домашних не аналогию, а противоположность естественным условиям. Стало быть, надо показать возможности перенесения данных и изменчивость в диком. Надо показать, что заменяет в дикой природе подбор.

1) Соотношение изменчивости у диких и домашних. Можно ли экстраполировать? Для утвердительного ответа надо: а) организмы не должны существенно отличаться, б) у изменчивости домашних не должно быть печати ненормальности. Ни того, ни другого, по Дарвину, нет. Одичание.

2) Изменчивость в диком состоянии. Есть ли запас материала, необходимый для возводимой теории? Представление Дарвина о невозможности распространения внезапных изменений. Все равно что сразу изобрести совершенную машину. Главное — индивидуальные различия. О признаках ненаследуемых речи нет. Убеждение Дарвина о несуществовании резких границ между видами. Сомнительные виды.

С. 96. (Примечание Данилевского о типичных формах. Раньше одну считали за типичную, сохранившуюся с момента своего происхождения. Отклонения обозначали греческими буквами. Но в действительности происходит расщепление под влиянием условий. Условность.) Словом, в природе изменчивость, как и у культурных.

С. 103. Борьба за существование. Скорость размножения. Ограничивающие размножение факторы: 1) влияние неорганического мира, климат и т.д., 2) эпидемии, 3) взаимодействие организмов, это, до Дарвина, самое важное. Здесь а) пища, б) хищник и жертва, в) другая конкуренция. Кроме того: кошки — шмели и т.д.

С. 109. Естественный подбор. Подбор действительно важен. Но может ли он накапливать мелкие изменения? Два пути. Между существами и неорганической природой или с хищниками. Другое — между волками или между зайцами (конкуренция). То же между покупателем и продавцом и между продавцами. Чем ближе экономически, тем больше конкуренция. Переживание приспособленнейших (выражение Г. Спенсера). Изменения безразличные будут колебаться, ведут к полиморфным видам. Но вид не может изменяться на пользу другому виду без пользы для себя. Такого случая Дарвин найти не мог. Польза может извлекаться и из экономии материала и т.д.

(при исчезновении ненужного). Таких примеров с волками и зайцами и т.д. можно привести много. Далее взаимное приноравливание организмов (клевер – шмели). Возражение Данилевского, по поводу пчел (длины хоботков и т.д.). Пыльцу собирают рабочие пчелы, они не размножаются. Как будут подбираться мелкие изменения в этих условиях – неясно.

Благоприятные обстоятельства для естественного подбора:

- 1) большое число индивидуумов;
- 2) гермафродитизм, соединение полов на всю жизнь;
- 3) отъединение (т.е. изоляция);
- 4) обширность страны, разнообразие условий.

С. 120. Допуская сравнение естественного отбора и искусственного подбора надо спросить: одинаковы ли пределы тех и других. По Дарвину, естественный отбор столь же могущественней искусственного отбора, как вообще силы природы по отношению к силам человека. Разновидность, образовавшаяся вследствие благоприятного изменения и дальше должна развиваться в том же направлении. Это основание дарвинизма. Теоретических пределов изменчивости нет. Все крупные группы – следствие «расхождения характеров» (далее я просто пишу: дивергенция признаков. – С. Мейен).

С. 22. *Расхождение характеров.* Аналогия с домашними животными – уничтожение переходных форм. Ослабление конкуренции при дивергенции. Наибольшее количество жизни поддерживается наибольшим разнообразием строения.

Примечание. Различия, характеризующие роды, виды и т.д. растений почти ничего не имеют общего со способами пользования внешними влияниями или защиты от них. В одних и тех же родах разные корни и жизненные формы и т.д. Наоборот, мы видим сходные растения из разных семейств, родов.

С. 127. «Вот если бы Дарвин показал, что его 20 видов, занявших 12 футовый кусок луга, были различны в этих отношениях, то есть по способам пользования внешними условиями – его пример имел бы доказательную силу касательно выгоды расхождения характеров». Это находит свое подтверждение и в естественной системе. Единство родов и т.д. – общность происхождения. Отсутствие переходов – свидетельство вымирания. Родовые признаки постояннее видовых. Они сначала изменялись, а затем остановились. Они полезны прародителю и всем его потомкам. То же о признаках более высоких таксонов. Таких общих признаков все меньше, так как от предка все дальше. Поскольку есть формы, промежуточные между животными и растениями, можно предположить вообще одного прародителя всех живых существ. *Идеальная связь обращается в родословную.*

Дарвин приводит аналогию с деревом, которая очень хорошо показывает его трактовку всяких сходств и различий. Сходства от унаследованности, различия – новообразования, полученные путем подбора, приспособления к условиям существования. Поэтому закон условий существования – высший по отношению к закону единства типа.

Глава II. Установление и изъяснение основных начал Дарвинова учения и общего характера его

С. 135. Примеры путаницы у Геккеля. У него настоящая причина всякого изменения – влияние внешних условий, приспособление. Это чистая телеология. Не учитывает, что изменения происходят независимо от отбора и, следовательно, приспособления. Кернер считает, что внешне условия дают толчок изменениям, которые происходят в силу внутренней природы организмов, и думает вместе с Вигандом, что это не дарвинизм. Но это просто плохое знание Дарвина.

Кёлликер считает, что преобразования от внутренних причин означает оставление почвы дарвиновской гипотезы и переход на позицию тех, которые принимают закон развития и выставляют внутренние причины как основания для

преобразований. Это – неверное понимание дарвинизма, у него изменения не следуют определенному внутреннему закону.

С. 141. *Установление понятия о подборе.* 3 основных простых фактора в основе происхождения разнообразия форм: 1) изменчивость, 2) наследственность, 3) борьба за существование (для диких) и искусственный отбор (для одомашненных). Естественный подбор – сумма трех первых, результат их взаимодействия. Эти три могут существовать друг без друга. Дарвин сам писал, что естественный отбор – следствие изменчивости, а не наоборот, она совершенно независима от естественного отбора.

Не надо путать естественный отбор и переживание приспособленнейших. Естественный отбор – процесс, переживание приспособленнейших – результат.

По Дарвину, если нет подбора, то нет и образования пород и разновидностей. Бесполезные изменения мы видим в полиморфных родах, вроде ястребинки.

С. 148. Свойства изменчивости. Изменчивость должна быть (1) постепенной, (2) неопределенной, (3) неограниченной или почти безграничной (от одноклеточного до человека). По Дарвину внезапные изменения не могут быть жизненными. Это положение он считал очень важным. В первых изданиях он прямо писал: «Я не верю ни в какой определенный закон развития...» О том же – в конце «Одомашнивания».

Бэр и Линней признавали происхождение разных видов рода от одного (созданного). В этом дарвинисты справедливо видят непоследовательность (почему надо останавливаться на роде?). Логически строгим в смысле дарвинизма может быть только признание изменчивости совершенно безграничной. О свойствах наследственности Дарвин ничего не говорит. Единственное свойство борьбы за существование – ее напряженность.

С. 157. Вспомогательные факторы дарвинизма. Непосредственное и прямое влияние внешних условий, употребление и неупотребление органов, соответственная изменчивость, их отношение к естественному отбору.

Пример с мхом у животных можно трактовать различно. Американские деревья имеют листья раньше опадающие, более яркие перед опадением, менее вырезаны и зазубрены, кроны более раскидисты и меньше маленьких веточек (по сравнению с европейскими ближайшими родичами). Дарвин считает, что это непосредственное влияние климата. Но для него это совершенно второстепенный фактор. Опять аналогия с порохом. Для Геккеля все наоборот, он фактически возвращается на точку зрения Ж. Сент-Илера и даже Ламарка.

Укрепление органов от упражнения, видимо, аналогично регенерации. Для этого, как и для первоначального образования, придумана не причина, а просто слово – *nisus formativus*.

С. 163. Фабриций Аквапенденте ввел шесть самостоятельных сил *sui generis*: 1) изменяющая (*facultas immutatrix*); 2) образующая (*facultas for-*

matrix); 3) притягивающая (*facultas attractrix*); 4) удерживающая (*facultas retentrix*); 5) обрабатывающая или переваривающая (*facultas consocatrix*); 6) выталкивающая (*facultas expultrix*). Бюменбах объединил все это в образовательное стремление (*nisus formativus*). Но можно подойти и иначе, для всего разнообразия органов надо не 6, а больше 6000 разных сил, по количеству элементарнейших процессов. Тогда не будет никакого объяснения, просто к каждому процессу надо добавить слово сила или способность – *facultas*. Странно, что Дарвин следует признанию *nisus formativus*. Для последней не может быть уголка в механистической теории.

Невозможно отличить упражнение – неупражнение от действия подбора (как и в случае внешних условий). Даже в примерах, приводимых Дарвином (кролики), можно толковать двояко.

Соотносительная (соответственная) изменчивость – нечто совершенно чуждое и противоречивое всему содержанию дарвинизма. Кювье признавал корреляцию органов, гармоничность. Реставрации Кювье – не на знании законов, а по аналогии с известными формами. До законов Сравнительной анатомии и Морфологии не поднялись. Кювье ничего не сделал бы, если бы в его время господствовал дарвинизм. Почему органы должны по дарвиновским представлениям развиваться синхронно? Также и Кеплер не взялся бы за свою работу, не веря в исходную гармонию, а не в результат борьбы случайностей. Хотя Г. Дю-Прель написал книгу «Борьба за существование на небе». Таким образом, соотносительная изменчивость не вытекает из Дарвинова учения, а принцип, заимствованный из чуждого ему мировоззрения, и место ему должно быть уготовано очень малое. Если есть соответственность, то и никакого подбора не надо. Поэтому Дарвин маскировал подобные явления словами «природа организма». Но чем больше будет выступать роль соответственной изменчивости, тем значение Дарвиновой теории будет ослабевать и близиться к упразднению. «Учение о подборе и соответственная изменчивость суть, собственно говоря, начала несовместимые, друг друга исключают» (с. 169). Дарвин всячески открещивается от значимости этих вещей и высказывает сомнения, не являются ли они просто первичными и унаследованными от прародителя. В этой связи – проблема естественного отбора. Если признак появился в силу связи с полезным признаком, этого никоим образом распознать нельзя. Дарвин

списывает на этот случай все непонятные с точки зрения полезности изменения.

Чуждый и, в сущности, противоречивый принцип не может безнаказанно включаться в учение. Там или здесь он выкажет свою несовместимость. Это противоречие – между соответственной и неопределенной изменчивостью, последняя – основа дарвинизма. Первая – закономерность, вторая – случайность. Пример с личинками: если они живут в воде, это приводит к изменениям дефинитивных стадий. Но тогда вопрос: как полезность в воде может одновременно оказаться полезностью в противоположных условиях суши? «Дарвин как бы говорит: однако такие виды существуют, значит подбор в состоянии это устроить. Но мы можем сказать с таким же, или с большим правом: значит не подбор это устраивает!» (с. 174). Стало быть, перед нами две возможности: 1) организм скрытно гармоническая система, одно изменение влечет гармоническое изменение в других местах, тогда здесь нет дарвинизма, 2) части не связаны, изменения как лебедь, рак и щука.

Это противоречие чувствовал Тимирязев: у него *некоторые* изменения влекут *иногда* и т.д. То есть закона нет.

Если теория не может отделить неопределенной изменчивости от соответственной (к ней она прибегает с отчаяния, так как пользы не видно), то она вообще не может класть неопределенную изменчивость в фундамент. Ведь роли можно легко переменить, неопределенная изменчивость станет служебной. Соответственная изменчивость не союзник, а враг теории.

С. 179. Общий характер Дарвинова учения. Поражает рациональностью и простотой, не прибегает к гипотетическим силам. Сходство с Лайелем. Дайте мне простейшее живое существо, и я возвращу вам весь органический мир. Преимущества дарвинизма перед физическими теориями, в которых есть мистическая основа (вроде таинственного свойства материи – притяжения). Зато физические теории объясняют явления причинно, каузально и притом механически, на что дарвинизм не покушается. Он ввел только названия причин. Центр тяжести не в причинах, производящих разнообразие форм, а в достижении целей, лежащих вне причин и с ними не связанных. Хотя эти цели и не наперед установлены.

Следовательно, дарвинова теория в противоположность физическим телеологическая, а не каузальная. Эти цели достигаются следующими

свойствами теории: 1) случайность, 2) отсутствие всякого творческого начала и замена его началом критическим, 3) мозаичность. Этими тремя путями, а не механической необходимостью определяется все разнообразие жизни.

С. 182. Определение случайности по Бэру (пример с черепицей). Случайность есть совершение (Geschehen), совпадающее с другим совершением, с которым оно не состоит в причинной связи. Случайность и необходимость не исключают друг друга. Случайные явления – как числа, не имеющие общего множителя, не подлежащие общему закону. Противопоставление хаоса и космоса.

Точно также не противоположны необходимость и целесообразность.

Необходимости противоположна свобода, самопроизвольность, случайности же противоположна закономерность. Характеристика случайности – отсутствие всякой периодичности во времени и пространстве. Постепенный переход в мире от абсолютной случайности к абсолютной закономерности.

В дарвиновской изменчивости доля случайности очень велика. Связывать изменчивость с изменением внешних условий – это как пример Бэра с черепицей. Естественный отбор по самому Дарвину не имеет никакого отношения к первоначальной причине изменения, то есть это случайность в смысле Бэра, хотя бы сами изменения были необходимы и закономерны. Пример Дарвина с камнями и архитектором. Следовательно, понимание случайности у Дарвина то же, что и у Бэра. Он не отвергает ее как Геккель.

Но Дарвин напрасно считает изменчивость случайной только по нашему невежеству. Это – требование его теории.

Творческое начало – явно или скрыто разумная деятельность, согласующая части с целым и наоборот, то и другое с внешними условиями. Опять пример Дарвина с архитектором. Вся разумность – в подборе. Пример с архитектором можно продолжить. Если бы он не имел возможности притесывать, а только отбрасывать неподходящее, он бы не построил совершенных зданий. К тому же, он не должен искать, а только ждать, что скатится к его ногам. Мозаичная фигура должна совершенствоваться все время оставаясь гармоничной. Дарвин не видит необходимости в одновременном изменении всех частей (как дарвинизм преувеличивает приспособленность, так и Данилевский преувеличивает гармоничность. – С. Мейен).

Для Дарвина мозаичность может быть только при условии постепенности. Самопроизвольные изменения крупного масштаба у Дарвина поэтому не могут играть большой роли. Слова Бэра, сравнившего дарвинизм с философами Лагаской академии Гулливера.

Учение Дарвина неверно причисляют к числу теорий развития (эволюционных). Развитие подразумевает определенный, постоянный за-

кон. У Дарвина – просто накопление мелких изменений под влиянием не внутренней, а внешней причины, принимающей одно и отвергающей другое.

Философские требования закономерности, творчества и цельности (против перечисленных черт дарвинизма) можно считать тоже предвзятым мнением. Но никто никогда не видел неопределенной, безграничной изменчивости.

Глава III. Критика оснований Дарвинова учения

С. 197. Распространение выводов, полученных из наблюдений над домашними животными и растениями, на организмы дикой природы.

Ход рассуждений Дарвина: 1) постепенные изменения у домашних приводят к разнице видового и родового ранга; 2) это можно распространить и на диких; 3) характер изменений у диких и домашних таков, что мы можем заключить об одинаковом механизме; 4) все изменения диких и домашних связаны с подбором.

Аргументы в пользу (2) и (4) Дарвина: (1) сильная изменчивость – общее свойство, независимо от прирученности; (2) одичание не ведет к источнику; (3) если у домашних появляются признаки, полезные для человека, то наверное должны появляться признаки, полезные для них самих; (4) если человек достигает так много, то природа может еще больше.

В действительности об изменчивости диких по домашним судить нельзя. Различия животных в приручаемости и размножении в неволе. Требования человека только и ограничиваются изменчивостью по приручаемости и способности размножаться в неволе, если животное полезно. Несуразное доказательство Дарвином неизменчивости гуся. Он перепутал причину и следствие. Прирожденная изменчивость – видовой признак. Примеры с черешней и кизилом. Домашние растения (а по другим причинам и животные) более изменчивы, чем дикие.

Трудность вопроса с возвратом к предку при одичании. Есть много примеров, но всегда трудно разделить дикий вид от одичавшего, что само по себе показательно, в любом случае важно, что изменение идет не вперед, как раньше, а назад. Возвращение прежних черт не есть только прямое влияние внешних условий. Просто упраздняются условия культуры, и типическая форма может действовать. Противоречие Дарвина: приписывает внешним условиям способность обратить культурную форму в дикую, но не признает,

что именно различие в условиях может быть причиной неполного возврата. «Таким образом, он меряет двумя мерами, обсуждая полезные для его теории и вредные для нее факторы – образ действия, с которым мы еще не раз встретимся» (с. 219).

Надо учитывать, что вкусы любителей прилаживаются к тому, что появляется, а не наоборот. Одобряется все, что появилось. В природе этого нет. Полезные для человека свойства прямо связаны с улучшением условий. Полезность изменений для организма весьма частный и редкий случай на фоне бесчисленных безразличных и вредных. Это как возможность обогащения через лотерею. У домашних организмов же работает «подтасованная» лотерея, что ни тираж, то и выигрыш, или специально подстроенное колесо. В диких условиях ничего подобного.

Можно возразить и на положение, что отбор в природе более могуществен, чем искусственный. Неправильно, что человек действует только на внешность. Человек благоприятствует организмам с полезными для него признаками. Что же препятствует им развиваться все дальше и дальше? Так же можно отвести и другие доводы в пользу большего могущества естественного отбора. Единственная разница естественного отбора и искусственного отбора – фактор времени. Но время само ничего не производит. Все дело только в увеличении вероятности. Но одновременно растет и вероятность проигрыша, так как в лотерее природы есть выигрышные, невыигрышные и проигрышные билеты, последних больше всего. Дело при естественном отборе очень сильно замедляется. Сто лет искусственного отбора соответствуют миллионам лет естественного отбора. Выигрыш от времени уменьшается до ничтожной величины. Это если допустить аналогию естественного отбора и искусственного отбора. Никакая продолжительность времени не заменит разумной намеренности. Искусствен-

ный отбор – целесообразный механизм, не сравнимый с естественным отбором.

С. 231. Итак, в вопросе экстраполяции искусственного отбора на естественный отбор приходим к выводам:

1) Домашние организмы превышают среднюю норму.

2) При одичании они стремятся к первоначальному типу.

3) Аналогия полезных для человека в искусственном отборе и полезных для организма в естественном отборе признаков не проходит.

4) Считать, что естественный отбор гораздо могущественнее нельзя, он и гораздо медленнее.

Глава IV. Критика оснований Дарвинова учения (Продолжение)

С. 233. Характеристические черты изменчивости диких организмов допускают ли признание разновидностей за начинающиеся виды? Вопрос о виде. Разновидность – начинающийся вид: это выведено из неудовлетворительности определений вида и несогласий. Можно различно толковать афоризм Линнея (видов столько, сколько было создано форм). Главное – постоянство, а не отдельный творческий акт. Кювье в своем определении не говорит о творчестве: вид – совокупность индивидов, произошедших друг от друга или родителей, которые столь же на них похожи, как между собой. Постоянство видов и у Бюффона.

Постоянство видов – не научный, а общеизвестный факт. Если видимость обманчива, это должно быть доказано. Агассис: возраст рифов без изменения видов – около 100 000 лет. Если учесть всю Флориду, то получается до 600 000 лет.

С. 238. «Удивительная теория! как только отыскивается факт, в котором можно бы искать ее подтверждения – он непременно ее опровергает, что нам еще не раз встретится впереди. Поэтому и доказательность факта отвергается, как вывод из неблагоприятного исключения! Но с такими свойствами неприспособленности к фактам возможна ли победа в борьбе за существование между теориями?» То же – пример с кипарисами в Луизиане – более 150 000 лет. Ни одного факта против этих не было предъявлено. (В действительности, и не может быть предъявлено, так как надо доказать генетическую преемственность видов, а это невозможно теоретически. Так что претензия снимается. Это никто не в силах ни доказать, ни опровергнуть. – С. Мейен.)

Критерий Кювье, который он считает единственным для видов, – воспроизведение, то есть очень длительный опыт в самых разных условиях. Можно возразить, что одомашнение и было таким опытом. Но нет: оно показало большую изменчивость одних организмов и ничтожную других.

Итак:

1) Впечатление неизменности и постоянства видов сохраняет силу до предъявления доказательств, а не «требований логики».

2) Проверить видовой или разновидностный характер формы невозможно. Есть вспомогательные средства:

а) переходные формы; даже неширокая раздельная полоса может быть пропастью;

б) оценка важности видового признака; из ошибок и плохих наблюдений не следует отсутствие вида. Пример с определением дома.

С. 248. *Разновидности суть ли начинающиеся виды?* Против положения, что разновидности – начинающиеся виды. Дарвин смешивает победу в борьбе внешней и междоусобной (здесь у Данилевского некоторая путаница в логике, см. с. 250 внизу; я не буду пересказывать. – С. Мейен). Обыкновенная сосна против Дарвина. Господствует, а разновидностей очень немного, как и ель, хотя в культуре она изменчива. Ильм и вяз менее распространенные, но более изменчивые. Далее другие подобные примеры. Впрочем, Дарвин в последних изданиях сам стал говорить о природе организма. На материале Крыма, Баварии и Лапландии опровергается тезис Дарвина, что в каждой стране большие роды представляют большую пропорцию господствующих видов, нежели малые роды. Далее о других подобных закономерностях, введенных Дарвином. Они не оправдываются конкретными подсчетами. Есть малые роды крайне изменчивые (вроде георгины) и большие роды, не обнаруживающие сильной изменчивости (лук). Разнообразие может зависеть от гибридизации. Субъективные причины. Положение, что виды, включенные в большие роды, похожи на разновидности – верно, но ничего не говорит в пользу Дарвина. Ста овцам будет теснее, чем десяти в одинаковых хлевах. Но из факта тесноты не следует, народились ли они в этом хлеву или сразу их загнали так много.

Виды в родах так же группируются, как и разновидности в видах. Но ни иерархизация, ни отсутствие симметрии в группах еще ничего не доказывают. Мы видим большие роды с большим числом секций и столь же большие роды всего с двумя секциями. Для *Senecio* с 600 видами А.П. Декандоль вынужден был принять географический порядок, ибо другого он обнаружить не мог и не хотел делать искусственно. Так же и с многими другими родами. Дарвин путает естественные и мнемонические деления (для легкости ориентировки). Не проходит и положение Дарвина, что виды близкие, почти разновидности, распространены очень нешироко (много

противоположных примеров). С. 282. Против положения Дарвина: если несколько близких видов живут в двух странах, то почти всегда с ними будут и тождественные виды. Очень большой контрматериал. Во всяком случае, наблюдаемые ситуации генетически можно толковать различно. Общность слов может быть от общего происхождения народов, а может быть от контактов.

Таким образом, каковы бы ни были в сущности изменения, произошедшие в одомашненных организмах, нельзя по ним заключать об изменчивости диких; самый характер изменчивости, наблюдаемый в природе, не дает права переносить заключения с разновидностей на виды.

Глава V. Критика оснований Дарвинова учения (Продолжение)

С. 308. *Размеры изменчивости домашних животных и культурных растений.* Надо определить меру отличий, вызванных культурой, то есть систематическое отличие (других мер нет). Дарвин указывал на большие отличия, но понимал, что из-за их непостоянства они не имеют видового значения. Этого не учел Тимирязев, который прямо пишет о родовых отличиях. Он забыл афоризм Линнея, который разделяется и Дарвином. У Дарвина все голуби и куры – один вид именно из-за их общности происхождения. Скрещиваемость – видовое различие. Поэтому все это – один вид. Никаких достоверных данных бесплодия между культурными мы не знаем.

Признаки определяют не только род, но и вид, семейство, отряд. Пример с собаками и лисами. Мы их не перепутаем, хотя отличия могут быть очень большими внутри собак.

По Дарвину единичные изменения зависят от подбора. Каждое последовательное изменение сохраняется в силу полезности, накопление изменений ведет к изменению привычек, это в свою очередь ведет к изменению строения. Но это по теории Ламарка, а не Дарвина. На примере одногорбого и двугорбого верблюдов мы видим не мозаичное изменение, а связанную систему. Но совершенно неясно, почему количество горбов связано с особыми косточками для прохода нижней поллой вены. На это дарвинизм не отвечает, а ограничивается общими фразами. Ресурс дарвинистов – ответственность роста, но это уничтожает всю теорию. Если прибегать к ответственности роста (*ultima ratio*), то почему она не изменила привычек голубей при всех изменениях в организации? Различия между ними в отдельных признаках, а не во всей организа-

ции. Вид не калейдоскоп признаков, не мозаика. Дарвин это чувствует, вводит соответствие, но вынужден отвести ему ничтожное место. Но организм и не механический прибор, в нем больше простора. Признаки не определяют род, поэтому отдельные изменения в признаках вполне могут, происходить.

С. 324. Чувствуя слабость своей концепции в том, что домашние достигли существенного расхождения, Дарвин подвергает сомнению критерий бесплодия. Но этим критерием он пользуется, когда ему надо доказать происхождение голубей от одного вида. Аргумент Дарвина, что мы не знаем предков наших культурных и потому они достигли видового уровня, отвергается, так как мы до сих пор открываем много новых растений. Сохранение растений возможно человеком. Дикие предки были просто им же уничтожены (как поленика). Пример с диким и культурным виноградом. Последний размножается только семенами (как поленика) и легко уничтожается.

Итак, предки многих культурных растений, с теми же свойствами, вполне могли быть просто уничтожены человеком. Этому способствует много обстоятельств (перечисляются). Что начал человек, довершалось природой (в случае общественных растений).

Дарвин приводит в доказательство новообразований у культурных растений тот факт, что из стран с нецивилизованными людьми мы не получили полезных растений. Они не были выведены. Это просто неверно. Приводятся примеры. И без человека грибы стали ценным для него проектом. Таким образом, польза растений для человека не определена им. Этот аргумент не

проходит при обращении к животным. Американские культурные растения многочисленны, а животные – только индейка. Муравьеды, армадилы и ленивцы не обратились в полезных домашних животных.

У Дарвина всякая целесообразность – только мираж, а в целом эволюция бесцельна. Культурные растения были, в самом деле, предприспособлены к человеку. Его улучшения – ничтожны по сравнению с природной полезностью. Про Дарвина (с. 366): «Он был зорек и проницателен для одних фактов и слеп для других...» Ни одно культурное существо не перешло границы бесплодия, которую Дарвин сам считает критерием вида. Этим учение Дарвина лишается положительной основы. Нужны доводы в возможности распространения выводов от меньшего на большее. Один довод – большее могущество природы – уже отвергнут выше, другой довод – множество фактов – становится понятным, получает объяснение, устраняется таинственное. Все, как у Лайеля, приводится к обычным причинам. Но это – философское доказательство, а речь идет о фактических. Впрочем, говорят: почему мы должны остановиться на какой-то ступени? Мы видим результаты искусственного отбора. Почему тот же процесс не может идти сколь угодно далеко?

Для этого надо, чтобы ступени отстояли на равное расстояние. Этого нет. Через одни ступе-

ни мы можем шагать. Через другие надо делать уже огромные скачки. Так называемые промежуточные звенья только заполняют внутренние рамки. Мы не видим, с другой стороны, прорыва видовой преграды. Наши наблюдения над организмами заключены в тесный футляр, из которого мы не можем выйти. За отклонениями, наблюдаемыми урывками, мы не видим истинной орбиты – типа. Обобщения от малого к большому ненадежны.

Общая философская объяснительность – хороша, но при этом теория должна работать в том малом круге фактов, из которого она извлечена. То есть подбор должен быть ведущим.

В действительности мы видим:

1) изменения нигде не достигают видового предела;

2) изменения в ранге разновидности, которые только и подвластны человеку, связаны с внешними условиями, сомнения в действительности которых начинаются у видового предела;

3) распространение от малого к большому, особенно от очень малого к очень большому, рискованны и неблагонадежны;

4) в природе нет негибкости, как у механизмов, наоборот наблюдаются колебания вокруг типа; эти нормы и идеальные типы и следует признавать за виды;

5) даже если распространять с культурных на дикие, то не на имеющихся фактах.

Глава VI. Критика оснований Дарвинова учения (Продолжение)

С. 375. Главные факторы изменчивости прирученных животных и растений. Искусственный подбор. Главный деятель изменений – искусственный отбор (как естественный отбор у диких). Дарвин уточнял, что искусственный отбор подбирает слабые удачные изменения. Но он признает и скачкообразные изменения у домашних, но их значение признается небольшим. Кроме того учитывается: непосредственные внешние влияния, гибридация, болезни и уродства, но это – на заднем плане, по сравнению с подбором. Необходимо выяснить, правильно ли оценены роли:

1) *Непосредственное влияние среды или внешних условий.* Их трудно отделить от подбора. Но иногда ясно внешнее влияние. Например, исчезновение курдюков, ангорской шерсти. У порто-сантских кроликов исчезла характерная окраска хвоста и кончиков ушей, а по возвращении в Англию через 4 года восстановилась. Частое дело просто в культуре, а не в подборе.

С. 383. 2) Гибридация (она гораздо важнее). В случае земляники, которую приводил примером Дарвин, все решила именно гибридизация. Дарвин же писал лишь о «некотором» скрещивании. Другие примеры.

3) *Индивидуальные изменения, не суммируемые подбором.* Пример с грушами. Дарвин неверно пишет, что разновидности груш передаются семенами. Декен это опроверг. Первосортные груши получали от семян диких груш. Еще в древнем мире были основные типы современных груш, можно сослаться на естественный отбор в таком случае, но это будет *petitio principii*. Мы этого просто не знаем.

4) *Уродства.* Пример с капустой. Почка гигантских размеров – кочан. У кольраби и брюквы вздутия в разных местах. Чтобы начали отбирать, эти вздутия должны были сразу быть большими. Поэтому труднейшая доля в новообразовании – не подбор.

С. 401. 5) *Крупные внезапные самопроизвольные изменения.* Это сходно с (3), но являются наследственными, устойчивыми. Пример с горизонтальными и пирамидальными кипарисами. Неоднократно. Если бы дело шло постепенно, леса должны бы содержать переходные формы. Такие только в садах, где пирамидальные одичали и возвращаются в обычные. То же у биоты. Здесь внезапное появление пирамидальной формы зафиксировано, причем в разное время в разных местах. То же у двух криптомерий. Дарвин считал, что в природе такое если и случается, то тут же уничтожается скрещиванием. Здесь он не допускает значимости такого механизма, так как мы его не видим, а мелкое накопление мы тоже не видим, но он его допускает. Аналогичные примеры – однолистная земляника, которую затем размножили. Тоже внезапное происхождение, Дарвин неверно описывает этот факт. Воспроизводились из семян и не возвращались к прежней форме. Линней считал ее видом. Декен все описывает, как было, и подчеркивает, что вид появился на глазах. Были и другие отклонения земляники, например, с деревянистым стеблем и без лепестков, но с разросшимися чашелистиками. Итак, самые постоянные разновидности возникают сразу и без всякого подбора. Дарвин сам себе противоречит, указывая такс и т.д. Дарвин считал, что и китайцы подбирают золотых рыбок. В действительности они лишь скрещивают появляющееся само по себе. В Европе пробовали изолировать и подбирать. Ничего не получилось. В последнем издании Дарвин признал, что он недооценивал таких явлений внезапной изменчивости.

Изменения у некоторых голубей – явная польза. Подбор только сохраняет. Об этой способности подбора нечего спорить (с. 418). Даже

из самих высказываний Дарвина следует, что изменение сразу должно быть резким, чтобы его подметили. Теперь об оценке вклада подбора. Снова по голубям. Ясно, что при увеличении числа важен первый шаг. То же и в других случаях. Лошади. В основе коренные различия, а дальше гибридизация пород. Сравнение Дарвином рассуждений заводчиков и естествоиспытателей. Первые не поверят в общего предка, вторые тоже. Они должны взять полезный урок друг у друга. Возражение: естествоиспытатель должен сказать заводчику. Подбор кое-что может, но не все; но в природе есть другие возможности, породы – не первобытные. Сами виды надо признать первобытными. Всякие скачки если и встречаются, то очень редко. Подбор же вообще ничего не может. Дарвин неправ, что изменчивость у культурных только в тех признаках, по которым идет подбор. Почему-то учению Дарвина об искусственном отборе повезло, на него не нападали, считали за непреложную истину, даже противники Дарвина. Дело в том, что человек имеет склонность преувеличивать все к нему близкое по пространству и времени (с. 445). Изобретение свечи было важнее газового освещения, парус был более важным изобретением, чем паровой, четырехколесная фура важнее паровоза. Роль книгопечатания по сравнению со всеми изобретениями. Еще важнее звуковое письмо. Принцип «необходимо – лишь излишнее». Что-то чуть лучше или просто реже – сразу платят дорого. Подобное отношение к отличиям культурных от диких. Они выходят из среднего уровня и на них сильное внимание, для измерения расстояний нужна база большой длины (для звезд – вся земная орбита). База Дарвина – искусственный отбор. Но он не позволяет объяснить даже малые изменения культурных.

Глава VI. Критика оснований Дарвинова учения (Окончание)

С. 449. *Борьба за существование и наследственность. Общее заключение критики.* Ньютон сомневался, не накапливаются ли планетные возмущения, но Лаплас показал, что нет. Тип соблюдается. Можно подумать, что Каспий должен осолоняться. Бэр показал, что это не так. Эти примеры показывают, что одни рассуждения от геометрической прогрессии в размножении не обязательно ведут к ожесточенной борьбе за существование. Может быть, есть противополоствующие ей процессы.

О напряженности борьбы вообще. Пример с оставшимся колодцем и пресной водой на суд-

не. Внешне должны выжить хитрейшие, сильнейшие или приспособленные. От них рождаются такие же дети. Но если живут у реки или если на пароходе есть опреснитель, то ничего этого не будет. Примеры с перелетными птицами, аистами, слонами, акулами. Совершенство пчелиных сот (история с исправлением ошибки в таблице логарифмов). Слабость борьбы за существование между травоядными. Пример с Америкой. Требование насыщения никогда не осуществляется. Всегда обнаруживаются пробелы. Та война, которая есть, не все время в крайнем напряжении и не имеет единства направления в

течение долгого времени. Это – необходимые условия подбора.

Дарвин отрицал значение непрерывности. Считал, что не всегда борьба напряженная. Пример с гинерией (пампасовой травой). Почему бы не появиться лошадям, питающимся ей, если борьба так насыщена. Пример с засухой, гибель огромного количества особей, после засухи борьба должна быть ничтожной. Таковы же действия землетрясений, извержений и т.д. Выбросы икры на берега. Годы хороших уловов и безрыбья на Каспии. Таким образом, борьба редко достигает нужной для отбора силы. Дарвин сам указывал на большое значение сплошного уничтожения яиц и т.д. без отбора. Для других изменения перестают быть выгодными при ослаблении конкуренции. Они не развиваются в том же направлении и должны исчезнуть.

Изменчивость в направлении борьбы делает подбор невозможным, так как не будет накопления. Отношение организма к среде. Численность зайцев регулируется хищниками, и не надо привлекать дополнительных факторов. Но роль разных хищников и их количество будет меняться, и будет меняться направление борьбы.

Майварт спрашивает (с. 478): если длинная шея выгодна, почему нигде не появилась, кроме Африки? Борьба за существование – скорее условие сохраняющее, чем изменяющее, консервативное, чем прогрессивное.

Изменение порто-сантских кроликов за 400 лет: 1) цвет под внешним влиянием, реверсия в Англии через 4 года; 2) измельчали (как караси в сажалках без шук); 3) длина черепа уменьшилась меньше, чем тела; 4) вместимость черепа уменьшилась еще в меньшей пропорции. Таким образом, кролики не преследовались внешними врагами и должны были соревноваться друг с другом из-за пищи. В результате они только измельчали, но мозг остался примерно тем же. Хотя по Дарвину надо было ожидать появления и затем господства какой-то улучшенной разновидности.

Характеры классов не имеют в себе почти ничего приноровительного, их различия структурные, чисто морфологические. Дарвин считает, что отъединение (изоляция) едва ли важна. На больших территориях больше разнообразие условий. Возражение: где больше оригиналов – в глуши или в больших городах, уравнивающих все, где господствует мода. Дарвин считает,

что в уединенных местах выживают реликты. К таким уединенным местам, почему-то, относит австралийские моря. Но это – опровержение подбирающих качеств борьбы за существование. Главное, на что Дарвин не обращает достаточно внимания, – перерывы в напряженности борьбы и перемена ее направления. Трудность для него в полиморфных родах. Он склонен считать, что этот род изменчивости независим от условий, поскольку если род полиморфен, то он всюду такой. Изменения происходят в таких признаках, которые не составляют пользы, как и вреда.

Значение опущения в борьбе против насекомых. Но почему эти признаки не распространились, неясно. На примере акул, слонов, бегемотов и др., которые не должны страдать от конкуренции, мы не видим большого полиморфизма, виды четко очерчены. Это противоречит гипотезе Дарвина о происхождении полиморфизма. Наоборот, в пресных водах должна быть жестокая борьба, но здесь мы видим полиморфизм у многих рыб. Словом, все получается наоборот, чем у Дарвина.

С. 496. В искусственном отборе надо различать не сознательный и бессознательный, а методический и случайный подбор. То же и в природе. Если изменение условий направлено, то будет и направленный подбор, но он коснется частностей.

Если меняется венчик, а затем хоботок соответственного насекомого, то эта пара не получила никаких преимуществ [по сравнению] с другими. Растениям и животным нет выгоды специализироваться и дифференцироваться. Общий вывод – борьба не может производить подбора.

С. 501. *Наследственность*. Дарвин разбирает частности, но главный вопрос: укрепляется ли наследственность с увеличением числа поколений. Если нет – учение лишается главной опоры. Если да – то тоже, так как более древние типические признаки одолели бы новообразования, Дарвин различает признаки от скрещиваний и признаки, унаследованные от далеких предков. Первые исчезают через определенное число поколений, вторые никогда. Это различие приписывается тому, что во втором случае признаки были свойственны обоим родителям. Словом, признаки становятся тем прочнее, чем дольше наследовались. Поэтому вид постояннее и устойчивее разновидности, а разновидность прочнее индивидуального изменения.

Заключение

С. 507. Относительно изменчивости: 1) из изменчивости прирученных нельзя судить об изменчивости диких; 2) одомашнение уже предполагает повышенную изменчивость, и домашние находились в исключительных условиях; 2) шансы появления признаков, полезных для человека и для самих организмов, неодинаковы; 3) нельзя говорить, что естественный отбор могущественнее искусственного отбора; 4) самые сильные изменения не достигают видового предела; Дарвин говорит – начинающиеся виды; мы скажем – отклонение от типа, колебания около известной нормы; 5) статистические доказательства, что разновидности – начинающиеся виды, не оправдываются; 6) гораздо вероятнее, что разновидности – колебания вокруг типа; 7) Дарвин даже не показал механизм происхождения разновидностей; он оперирует мнимыми фактами.

Относительно наследственности. Это Сцилла и Харибда для дарвинизма. Наследственность тем крепче, чем древнее, поэтому вид устойчивее разновидности, а она – индивидуальные изменений.

Относительно искусственного подбора. Дело не в подборе (в происхождении изменений у домашних), а [во влиянии] внешних условий, гибридизации, индивидуальных изменений, часто скачками без всякого подбора, иногда болезненных. Подбор надстраивает над этим зданием только небольшую башенку. Речь идет о морфо-

логическом, а не практическом значении, последнее может быть и главным образом в башенке.

С. 512. Многие возражения были известны и Дарвину. Он их «только указывает, а не придает им должного значения, и потому, указав на эти факторы (как, например, относительно земляники), продолжает, как ни в чем не бывало, свое возвеличивание подбора». Он поступает так и относительно других часто очень сильных возражений. Причины невнимания прошлых критиков искусственного отбора, уменьшение всей базы.

Относительно борьбы за существование. Заместителем подбора в природе должна быть борьба за существование. Но она могущественна лишь при поверхностном взгляде. Нет той напряженности и совмещения постепенности и разъединенности условий. Пример порто-сантских кроликов приводит к прямо противоположным выводам. Также противоположные факты наблюдаются и в случае полиморфных родов. Дарвинова теория не выдерживает пробного камня действительности. Но даже если все сказанное в этом томе неверно, то существуют и другие условия, делающие совершенно невозможным образование видов, родов и т.д. путем естественного отбора, другие затруднения, которые показывают что «естественного подбора во все даже не существует» (с. 516).

Прибавление к главе VI

Пример с брюссельской капустой. Она известна с правил для рыночной торговли Брюсселя от 1213 г. В почве Брюсселя эта капуста никогда не вырождается и размножается семенами. То же и в Лувене. Но в Малине (Мехельн), находящемся на том же расстоянии от Брюсселя, что и Лувен, она быстро вырождается. Во втором поколении маленькие кочаники не образуются, пучки листьев открытые. (На Южном берегу Крыма то же в первый год.) Ван-Монс (1818) установил это и сделал обратный опыт. Семена от малинских экземпляров были

посеяны снова в Брюсселе. Были предприняты меры против гибридизации. Первое поколение сохранило малинский признак. Но к третьему поколению все вернулось. Ван-Монс: «это было для меня нечто вроде возвращения блудного сына, отсутствие которого усугубило мою привязанность» (с. 518). По Ван-Монсу эта капуста неприхотлива и растет на песчанистой и глинистой почве.

Новая порода мохо в Южной Америке произошла от быка, который родился без рогов в 1770 году. Здесь подбор не участвовал.

Окончил конспект 1. II. 1973

Затратил 3 полных дня

К машинописному тексту конспекта приложены 2 рукописных листочка с дополнительными записями.

Данилевский Н.Я., 1885, т. I, ч. 1

Введение

Дарвинизм – философское учение. (Тимирязев отметил, что введение слова «дарвинизм» необычно для отрасли положительных наук.)

Это философское учение, так как содержит высший объяснительный принцип.

Мир разумен. Почему. Деизм. Пантеизм. Субъективный идеализм.

Материализм – механическое объяснение, в том числе человеческого разума. Но оно решительно неприменимо к органическому миру. Дарвин заменил принцип механической необходимости принципом абсолютной случайности. Поэтому учение Дарвина в гораздо большей степени философское, чем зоологическое или ботаническое учение.

Дарвин перевернул все представления и ходячие аксиомы. До этого материализм должен был не касаться органического мира, был непоследователен. Теперь наоборот. Идеализм лишился фактической основы, стал предвзятым, предрассудочным. Разумное водительство ни к чему.

С. 15. Анатом XVII столетия Шпигель полагает, что человек потому обладает самым сильно развитым в мире сидением, чтобы он мог сидеть на мягкой подушке, когда размышляет о величии Божьем

К.Е. v. Baer. О целесообразности. Это в т. II его «Исследований из области естествознания», «К спору о дарвинизме».

С. 17–18. Нельзя попадание из ружья с предшествовавшим прицелом и при выстреле разом из тысяч ружей в разные стороны обозначать общим названием. Отсюда телеология и псевдо-телеология.

С. 20. Опровергнув одну теорему (точнее, доказав противоположное ей) мы опровергаем весь метод логического процесса вообще.

С. 27. «...Отношение к авторитетам должно состоять в почтительной независимости...»

С. 29. Всякое временное направление умов (которое ведь когда-нибудь было, есть или будет современным) состоит из смешения в различных пропорциях истины и лжи. Но в глазах большинства современников и эта доля истины, и эта доля лжи одинаково совершенно неприкосновенны, что, впрочем, иначе и быть не может, так как они, то есть доля истины и лжи, друг от друга не отличаются и принимаются огульно за истину. Конечно, со временем ложь отпадает, хотя и замещается другою, а истина остается и накапливается. Это – пожалуй, также своего рода подбор.

С. 32. «Человек так уж устроен, что он никогда не отказывается от своего права мыслить независимо, если только вообще может мыслить».